

Судьба президента

Офицер бросил на меня безразличный взгляд и спросил:

– Это вы корреспондент?

Я кивнул и протянул удостоверение. За последние полчаса пришлось показать его раз десять. Меня обыскали, и металлоискателем, и вручную, сняли отпечатки пальцев, взяли образец волоса, просветили какой-то лампой, задавали путаные, на первый взгляд, нелепые вопросы. Связались с редактором, уточнили все нюансы согласований и разрешений. Подкорректировали план интервью, вычеркнув четверть вопросов и вписав несколько своих. Проинструктировали о правилах поведения. И, наконец, отправили с двумя сопровождающими на минус двадцать пятый этаж в огромном грузовом лифте. Они и передали меня в руки каменного офицера.

Он даже не взглянул на ксиву, указал на кресло.

– Присаживайтесь. Президент сейчас занят. Вас позовут. Кофе? Чай?

– Нет, спасибо. Здесь не курят?

– Курите.

Я сел в кресло, достал сигареты. Прикуривая, попытался унять дрожь от волнения. Интервью с президентом – задание крайне ответственное. Любая ошибка, любое неверно сказанное слово может вылиться в крах карьеры. Текст интервью я зубрил неделю, а тут неожиданная правка, новые вопросы. Так что закурить мне было просто необходимо, чтобы успокоить хоть немного нервы.

Уже закурив, обнаружил, что рядом нет пепельницы.

– Можно на пол, – сказал офицер.

– На ковёр?

– Можно.

Я сбил пепел на белоснежный палас с длинной пушистой ворсой. От этого меня сразу накрыла паника. Чёрт бы побрал эти сигареты, этот палас, этого президента. Но пепел вдруг втянулся внутрь. Даже следа не осталось. Теперь остался вопрос – куда девать окурки?

– Туда же, – словно читая мои мысли, сказал офицер, – только погасите об подлокотник кресла.

Разделавшись с сигаретой, я замер в ожидании аудиенции, сложив руки на коленях и уставившись на массивную дверь, за которой находился президент. Ждать пришлось недолго.

– Господин президент готов принять вас, – разорвал гробовую тишину голос офицера. – Прошу.

Дверь открылась, я робко вошёл внутрь. И увидел его. Президент сидел на диване, в длинном махровом халате, с чашкой кофе в руке. Увидев меня, он широко улыбнулся, словно встретил старого друга:

– Проходите, друг мой! – сказал он. – В том кресле вам будет удобно. Сейчас нам принесут выпить. Нам же нужно развязать язык, чтобы интервью получилось живым и непринуждённым. Думаю, рюмка хорошего коньяка сделает своё дело.

Он говорил так искренне и смотрел так открыто, что весь мой мандраж сразу улетучился. Президент оказался совсем не похожим на того строгого, серьёзного главу государства, каким видели его по телевизору миллионы граждан страны. Да он такой же человек, как и все мы, – подумал я, – и тоже имеет свои слабости, и тоже слегка несчастлив, и проблем у него, небось, хватает. Президент – это должность, а не человек. Как человек, президент оказался довольно симпатичным, даже черты лица преобразились и голос, кажется, стал мягче.

Девушка бесшумно внесла поднос с бутылкой и двумя бокалами, налила коньяк и исчезла, словно её и не было.

– Ну, за знакомство! – сказал президент, мы чокнулись, но выпить не успели.

Дверь распахнулась, и в кабинет решительной походкой вошёл сам маршал Р. Собственной персоной. Подойдя к столику, он остановился, вытянулся по стойке смирно, щёлкнул каблуками и отдал честь.

– Господин президент. Разрешите доложить. Непредвиденные обстоятельства. ЧП! Иначе я никогда не посмел бы вас так бесцеремонно побеспокоить. Но сейчас действительно...

– Маршал, расслабьтесь. Что за ЧП? У меня интервью. Будете коньяк?

– Буду! – маршал взял бутылку и отпил прямо из горлышка. Приложился основательно – на лице выступили красные пятна и глаза стали, как у кролика. Маршал закашлялся, занюхал рукавом.

– Вот и хорошо, – улыбнулся президент. – Так что там случилось? Только быстрее.

– Господин президент. Такое дело. Вас только что убили.

– Как убили? Где?!

– На встрече с работниками металлургического комбината в Ч. Три ранения, все смертельные. Вы скончались на месте.

– Писец, – пробормотал Президент. Он на глазах осунулся, побледнел и будто бы постарел лет на десять.

– И что, медицина бессильна?

– У вас полчерепа снесено. Мозги по всей трибуне. Какая медицина? Ещё и прямая трансляция. Вся страна видела.

– И что теперь? – голос президента дрожал и сипел.

– Вы знаете правило. Инструкция написана не мною, и даже не вами.

– Я понимаю, но...

– Никаких но. Мы не имеем права рисковать. Вы же президент, сами должны понимать. Государство превыше личных проблем. Если информация о двойниках президента станет достоянием общественности – это будет грандиознейший скандал. Да что я вам объясняю. Мне жаль, что сия миссия выпала мне. Ничего личного.

– Можно с родными попрощаться?

– Исключено. – Маршал вынул из кобуры пистолет и выстрелил. Пуля попала прямо между глаз, отбросив голову президента. Тело тяжело рухнуло на пол, заливая кровью белоснежный ковёр. Брызги крови и мозгов впитались внутрь, не оставив и следа. Лужа вокруг головы не разливалась, а будто втягивалась в невидимый слив.

От ужаса я онемел, оглох, ооченел. Сейчас и меня пустят в расход, как свидетеля. Любые аргументы, которые я мог бы выдвинуть, казались нелепыми и смешными. Я впечатался в кресло, тшчетно пытаюсь вжаться в него, чтобы стать незаметным.

– Молодой человек? – обратился ко мне маршал. – Вы журналист?

Он спрятал оружие, но мне не стало легче. Спрятать и достать – секундное дело.

– Жу-жу-журналиссст, – язык не слушался.

– Вы успели взять интервью?

– Нннет.

– Ничего. Наши креативщики сейчас набросают вам текст. Предсмертное интервью. Рейтинг вашего издания взлетит до небес. Вы уж простите, что так вышло. Производственная необходимость. Думаю, вам не стоит напоминать, что всё увиденное здесь не должно обнародоваться ни в каком виде. Данный факт имеет статус государственной тайны, за разглашение которой – мучительная смерть от пыток. Так что...

– И я могу идти? – я всё ещё не верил. Мне даже стало как-то обидно. В какой-то момент смирился со смертью. И тут – отбой.

– Конечно. Не смею задерживать. Офицер проведёт вас в канцелярию, где вы подпишете некоторые документы. Текст интервью мы сами вышлем в редакцию. Хорошего дня. Жаль, нормальный был президент. Кого теперь выберут? – вздохнул маршал.

Каменнолицый офицер невозмутимо проводил меня до лифта.